
П. Ю. ШАМАРО

**АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ СУЖДЕНИЙ
О ЗНАЧЕНИИ ПИСЬМЕННОГО
ДОКУМЕНТА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ
ГРАМОТАХ ЮЖНОЙ ФРАНЦИИ**

В настоящей статье мы рассмотрим высказывания о роли письменной фиксации правового акта, содержащиеся во вступительной части раннесредневековых документов. Хорошо известно провозглашавшееся средневековой Церковью положение о том, что Церковь живет по римскому праву — *ecclesia vivit lege Romana*. Но в какой форме и в какой степени преемственность внутренних установлений Церкви в отношении римского наследия сказалась на суждениях о роли письменного документа? Несмотря на предпринятые исследования, нет отчетливого представления о настоящей правовой образованности ученых клириков, составлявших документы с элементами юридических норм римского права, как и о том, насколько сознательно подходили они к правовому наследию Античности. В этой статье мы постараемся показать, что, по крайней мере, наиболее творческая часть составителей документов весьма умело находила в памятниках права необходимую аргументацию в пользу письменного оформления правовых актов, и излишне говорить, что они были весьма заинтересованы в увековечении памяти о благочестивых пожертвованиях, совершенных в пользу их обитателей и церквей.

Еще А. Жири относил преамбулы юридического характера, часто встречающиеся в документах IX – конца XI в., к числу наиболее любопытных¹. Однако он отмечал, что многие преамбулы по своему содержанию повторяют одна другую, а манера их составления порой заставляет

¹ *Giry A. Manuel de diplomatique. Paris, 1894. P. 544–545.*

сомневаться в том, всегда ли составители грамот сами понимали то, о чем они пишут. Крайним выражением пренебрежительного отношения к сведениям, заключенным в преамбулах, является установка некоторых издателей средневековых документов вообще опускать преамбулы, так как, по их мнению, они не несут никакой смысловой нагрузки².

Однако и в тех случаях, когда исследователи не избегали специального анализа формул, заключенных в преамбулах, их выводы были большей частью полны скептицизма. Ярким примером такого подхода является статья Ж. Флака, посвященная следам римского права во французских грамотах IX–XI вв.³ Размышляя о судьбе позднеантичного наследия, автор приходит к выводу, что на юге Франции победу одержало обычное право, так что считать эту часть страны областью права письменного ошибочно⁴. По словам Флака, цитаты из текстов римского права и ссылки на эти тексты в грамотах представляют собой явление спорадическое, а само римское право выступает в них в мунифицированном виде⁵.

Напротив, Л. Стуфф увидел в характерных формулах традиции римского права, которые в смешении с германским правом составили живое обычное право эпохи, в них же он усмотрел и конституирующую роль письменного документа в правовых договорах того времени⁶. Следует отметить, что Стуфф посвятил специальную общую работу формулам римского права в раннем Средневековье⁷ и в отдельной статье подверг разбору средневековые формулы, восходящие к толкованиям на статьи Бревиария Алариха⁸. Но и этот исследователь пришел к заключению, что составители грамот были мало образованы, хотя умели извлечь свою выгоду из манипулирования цитатами, с помощью которых они убеждали своих клиентов в необходимости составления письменных документов. Однако то, что у них называлось римским правом, оказывается лишь внешней и весьма жалкой формой официального права и вульгарного права поздней Античности⁹.

² См., например: *Cartulaire de Maguelone / éd. par J. Rouquette et A. Villemagne*. Montpellier, 1912. Т. 1. P. XIII–XIV.

³ *Flach J. Le droit romain dans les chartes du IXe au XIe siècle en France // Mélanges Fitting*. Montpellier, 1907. Т. 1. P. 383–421.

⁴ *Ibid.* P. 395.

⁵ *Ibid.* P. 399–415.

⁶ *Stouff L. Étude sur la formation des contrats par l'écriture dans le droit des formules du Ve au XIIe siècle // Nouvelle revue historique du droit français et étranger*. Paris, 1887. А. 11. P. 249–287.

⁷ *Stouff L. De formulis secundum legem Romanam a VII° sæculo ad XII^{um} sæculum*. Parisiis, 1890.

⁸ *Stouff L. L'interpretatio de la loi romaine des Wisigoths dans les formules et les chartes du VIe au XIe siècle // Mélanges Fitting*. Montpellier, 1908. Т. 2. P. 165–188.

⁹ *Ibid.* P. 188.

Разумеется, отдельные составители грамот могли бездумно заимствовать старые формулы, стремясь придать письменному документу более внушительный вид. Но многочисленные отсылки к памятникам римского права, которыми так богаты документы Южной Франции и где мы найдем примеры развитой аргументации, обнаруживающей живую мысль их авторов, заслуживают все нового обращения к ним исследователей. Попробуем самостоятельно заново показать, к каким именно нормам римского права восходили соответствующие формулы, как проявила себя в отношении их живая мысль средневековых клириков, как приспособляли они нормы старого римского права к реальным обстоятельствам своей эпохи.

Говоря об источниках римского права, которые могли быть известны ученым клирикам Южной Франции, мы имеем в виду прежде всего основанный во многом на Кодексе Феодосия «Римский закон вестготов» (Бревиарий Алариха), обнародованный в 506 г. и вплоть до возрождения систематического изучения римского права в Западной Европе являвшийся основным его источником¹⁰. Более сложным оказывается вопрос, в какой именно степени средневековые составители грамот были знакомы с самим этим памятником. Следует помнить, в частности, о том, что существовало семь эпитом самого Бревиария (самая ранняя — эпитома Эгидия — датируется началом VIII в.). Помимо этого, составители документов могли пользоваться формуляриями, которые начали составляться с середины VII в. (самый ранний — Формулярий Маркульфа¹¹). Ниже в меру наших сил мы постараемся показать на конкретных примерах, как тут обстояло дело.

¹⁰ *Benech M.* La Lex Romana Visigothorum dite Bréviaire d'Alaric // *Mélanges de droit et d'histoire*. Paris, 1857. P. 571–618 ; *Patetta F.* Il Breviario Alariciano in Italia // *Archivio Giuridico*. Pisa, 1891. Vol. 47. P. 3–45 ; *Conrat M.* Breviarium Alaricianum. Leipzig, 1903 ; *Lambertini E.* La codificazione di Alarico II. Torino, 1991 ; *Polara G.* Lex Romana Visigothorum. Un contributo alla Ricerca. Milano, 2004 ; *Dumézil B., Rouche M.* Le Bréviaire d'Alaric. Aux origines du Code civil. Paris, 2008.

¹¹ *Zeumer K.* Über die älteren fränkischen Formelsammlungen // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*. 1881. Bd. 6. S. 9–115 ; *Krusch B.* Ursprung und Text von Markulf's Formelsammlung // *Nachrichten der Göttinger Gelehrten Gesellschaft, phil.-hist. Klasse*. 1916. S. 231–274 ; *Levison W.* Zu Marculf's Formularbuch // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*. 1935. Bd. 50. S. 616–619 ; *Uddholm A.* Formulae Marculfi. Études sur la langue et le style. Uppsala, 1954 ; *Beyerle F.* Das Formel-Schulbuch Merkulfs // *Aus Verfassungs- und Landesgeschichte : Festschrift zum 70. Geburtstag von Theodor Mayer*. Lindau ; Konstanz, 1955. Bd. 2. S. 365–389.

1. Эдикт Константина Великого в обоснование необходимости письменного удостоверения дарения

Как известно, в документальном наследии раннего Средневековья, от которого дошли до нас главным образом остатки монастырских архивов, особое место принадлежит актам дарения. Ряд документов X–XI вв. из монастыря Сен-Виктор в Марселе содержит восходящую к императорским эдиктам формулу, которая прямо указывает на то, что дарение, не подтвержденное письменным документом, не имеет силы. Так, в начале документа 984 г., которым засвидетельствован дар различных земель епископом Марселя виконту Гильему I, сказано:

Ante tempus legi<s> istius donationis (= donationes) etiam sine gestorum testificatione valeba<n>t. Nunc vero post hanc legem, nec nuptialis nec quelibet donatio valere potest, si gestibus non fuerit alligata.

До времени этого закона имели силу дарения, [совершенные] даже без засвидетельствования в актах муниципия. Теперь же после этого закона ни дарение по случаю помолвки, ни какое другое не может иметь силы, если оно не было заявлено для записи в актах муниципия¹².

Это высказывание есть не что иное, как дословное повторение сохранившегося в Кодексе Феодосия (далее — С. Th.) толкования на эдикт 319 г. императора Константина об обязательном удостоверении дарения по случаю помолвки путем записи в актах муниципия, как это ранее было установлено его отцом, Константином Хлором, в отношении других даров (С. Th. 3.5.1). Заметное отличие от названного толкования заключается лишь в том, что составитель документа опустил два не столь существенных уточнения, содержащихся в нем (в цитируемом ниже тексте они отмечены курсивом):

Ante tempus legis istius donationes etiam sine gestorum testificatione valebant. Nunc vero post hanc legem nec nuptialis nec quaelibet *alia inter quascumque personas* donatio, *de quibuscumque rebus*, valere potest, si gestis non fuerit allegata).

След более полной формулы обнаруживается в документе 1035 г. из того же монастыря:

Ante tempus legi<s> istius, donationis etiam sine gestorum testificatione valebant; nunc vero, post hanc legem, nec nuptiali<s>

¹² Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor de Marseille / éd. par Guérard. Paris, 1857. T. 1. P. 97–98, no 70.

nec qua<e>libet inter **quascumque** <personas> donatio valere potest, si gestibus non fuisset alligata¹³.

Вероятно, в документе или формулярии, который послужил образцом для составителей обоих документов, формула была воспроизведена в более полном виде. Похоже, однако, что тот, кто написал этот общий образец, записал формулу под диктовку, так что у него слились слова *legis* и *istius*, вследствие чего выпало конечное *s* первого из них. В живом произношении тех столетий слабо различались на слух гласные [e] и [i], свое затруднение уже автор образца разрешил в пользу последней гласной, очевидно, мало задумываясь над смыслом примененной им глагольной формы. Похоже, однако, что и писец, написавший документ 1035 г., тоже опирался на слуховое восприятие привычных латинских слов, по этой причине в соответствии со свойствами нового романского произношения у него выпала конечная *s* в слове *nuptialis*. Любопытно, что кто-то решил заменить абстрактное субстантивированное причастие *gesta* (в ед. ч. *gestum*, т. е. «совершенное»), которое только и было возможно в строгом юридическом тексте, на более привычное существительное четвертого склонения *gestus*, которое обозначало жест.

Эдикт Константина и толкование к нему дошли в составе Бревиария Алариха¹⁴. Несомненно, именно из него и был заимствован приведенный в документе текст. Здесь стоит привести и сам текст эдикта, который, несомненно, был знаком составителю документа или тому, кто написал более ранний документ, послуживший образцом для нашего автора. Текст эдикта хорошо показывает, как следует понимать сведения об удостоверении актов дарения, сообщаемые в документе:

Pater noster nullam voluit liberalitatem valere, si actis inserta non esset. Nos etiam inter sponsos ac sponsas omnesque personas eam solam donationem ex promulgatae legis tempore valere sancimus, quam testificatio actorum secuta est.

Отец наш выразил волю, чтобы никакое дарение, как проявление щедрости, не получало силы, если оно не включено в акты муниципия. Мы в свою очередь уставнавливаем, чтобы, считая со времени обнародования названного закона, между помолвленными, как и лицами, находящимися в любых иных отношениях, только то дарение имело силу, за которым последовало его публичное удостоверение в актах муниципия.

¹³ Ibid. P. 206, no 176.

¹⁴ LRV. Lib. III. Tit. V. 1 (Lex Romana Visigothorum / instruxit G. Haenel. Lipsiae, 1849. P. 76).

Ряд традиционных правовых актов был издревле обставлен строгими обрядами, и к таковым в первую очередь относилась помолвка. По этой причине, очевидно, римские граждане не спешили подчиняться новым правилам единообразного удостоверения подобных правовых действий, тем более что, в отличие от императора Константина, Констанций никогда не имел власти над всей Римской империей. В рассматриваемых правовых установлениях речь шла о муниципальных регистрах (*gesta municipalia*) в канцелярии куриалов, куда заносилось содержание частных актов¹⁵. Участники сделки должны были предстать перед магистратом, перед которым зачитывался составленный ими до этого документ (эта процедура носила название *professio* или *recitatio*), затем текст предоставленного документа полностью заносился в регистры — в этих двух процедурах и заключалось то, что обозначено как *gestis alligatio* или *testificatio gestorum*¹⁶. Толкование на титул Бrevиария, касающийся дарения, свидетельствует, что эта процедура должна была осуществляться перед судьей или курией: *Gesta vero donationum aut apud iudicem aut apud curiam alleganda sunt*¹⁷.

Ввиду характерного для взаимоотношений с монастырями того времени обычая тех, кто уступал им свое имущество, представлять не только вынужденную уступку, но и продажу имущества как благочестивое дарение, которое могло служить к спасению души, в другой грамоте XI в. монастыря Сен-Виктор приведенная выше формула толкования императорского эдикта, но теперь в свободном переложении применена для обоснования неколебимости удостоверяемой письменным документом купли-продажи:

Ante tempus legis istius, donationes queque valuerunt, si gestibus non fuerint colligatę. Postea enim quam leges esse ceperunt, sancti Dei institutores sancxerunt ut venditio firma et stabilis sit omni tempore.

Ранее времени того закона всякие дарения имели силу, <и> если они не были включены в акты муниципия. Но когда начали устанавливаться законы, святые Божии устроители

¹⁵ *Brunner H.* Zur Rechtsgeschichte der römischen und germanischen Urkunde. Berlin, 1880. Bd. 1. S. 139–144 ; *Hirschfeld B.* Die Gesta municipalia in römischer und frühgermanischer Zeit. Inauguraldissertation. Marburg, 1904 ; *Liebs D.* Die im spätantiken Gallien verfügbaren römischen Rechtstexte. Literaturschicksale in der Provinz zwischen dem 3. und 9. Jh. // Recht im frühmittelalterlichen Gallien: spätantike Tradition und germanische Wertvorstellungen / hrsg. von H. Siems, K. Nehlsen-von Stryk, D. Strauch. Köln ; Weimar, 1995. S. 1–28.

¹⁶ *Stouff L.* Étude sur la formation ... P. 254.

¹⁷ LRV. Lib. VIII. Tit. V. 1.2. Interpretatio (Lex Romana Visigothorum. P. 156).

положили, чтобы <удостоверенная грамотой> продажа была тверда и неколебима во всякое время¹⁸.

Совершенно очевидно, что формула, заимствованная из правового свода начала VI в., в Марселе X–XI вв. уже утратила свое настоящее значение и служила лишь чисто формальным доводом в пользу составления документов о дарении или купле-продаже. Еще одну позднюю реминисценцию на эту формулу мы встречаем в документе начала X в. из аквитанского монастыря Св. Юниана в Нуайе, располагавшегося примерно в 10 км к северо-западу от Пуатье:

Presentem vero donacionem nequaquam a curialium vilitate gesti<s> municipalibus alligari curavimus.

Отнюдь не по побуждению от куриалов с малыми полномочиями мы сами приложили заботу к тому, чтобы настоящее дарение было включено в муниципальные акты¹⁹.

Отметим здесь созвучие *curialium* — *curavimus*. Если принять без исправлений чтение оригинала, следовало бы предположить и столь же игривое превращение субстантивированного причастия *gesta* в настоящее причастие *gesti*, характеризующее состояние самих действующих лиц. Но, скорее, здесь следует внести конъектуру: *gesti<s>*.

Латинское понятие *scriptura* служило общим обозначением документальной записи частноправового характера, независимо от того, было ее содержание уже внесено в муниципальные акты или нет. С угасанием практики ведения муниципальных регистров к началу VIII в. само понятие *gesta* применялось все реже, и смысл его искажался, как мы вновь увидим в параграфе о формулах уступки имущества. В ряде случаев его заменяет понятие *scriptura* в сочетании с другими понятиями. Вместе с тем глагол *allegare* (в документах обычно в форме *alligare*), обозначающий приведение доводов в доказательство подлинности фактов, излагаемых перед представителями судебной власти, продолжал применяться в документах, но все чаще в сочетании с другими понятиями. Примеры нового применения понятия *scriptura* и термина *alligare* будут приведены в каждом из следующих параграфов.

2. От римского дарения между супругами к имущественным договорам между монастырями

В Формулярии Маркульфа, датированном концом VII в., в разделе, посвященном дарениям между супругами (*Carta interdonationes inter viro et faemina de eorum res (sic!)*), содержится следующая формула:

¹⁸ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor. P. 81, no 55.

¹⁹ Chartes de l'abbaye de Nouaillé / éd. par P. Monsabert de // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1936. T. 49. P. 48.

Quicquid enim inter coniugatos de propria facultate, manentae caritate, pro amorem (amore?) dilectionis invicem condonare placuerit, scripturarum necesse est titulis alligari, ne in posterum ab heredibus eorum vel a quemcumque (sic!) posset convelli.

Ведь, что бы ни было угодно между супругами подарить друг другу из собственного имущества ради любви к сердечному избраннику, при сохранении <такового> расположения необходимо, чтобы это было удостоверено публично письменными документами, дабы в будущем не могло быть расстроено их наследниками или кем бы то ни было²⁰.

Другая версия этой формулы содержится в Турском формулярии, который принято датировать серединой VIII в. Хотя исследователи считают этот формулярный, таким образом, не столь ранним, как Формулярный Маркульфа, следует отметить, что оба формулярия дошли преимущественно в списках IX в. и списки более раннего времени неизвестны. В том, что касается приведенной здесь формулы, необходимо даже признать, что версия Турского формулярия стоит ближе к исходной, чем дошедшая до нас версия Формулярия Маркульфа. Рассматриваемая формула здесь представлена тоже в титуле, посвященном дарению между мужем и женой (*Donatio inter virum et uxorem, tamen gestis sit alligata*). Начало ее почти полностью совпадает с текстом Маркульфа:

Quicquid enim inter coniugatos de propria facultate ob amorem dilectionis invicem condonare placuerit, scripturarum necesse est titulis alligari, ne in posterum ab heredibus eorum posse convelli.

В то время как в Формулярии Маркульфа оборот *ablativus absolutus* «manente caritate» производит впечатление чего-то излишнего, в Турском формулярии этот оборот в исходной форме «manente coniugio» выступает частью дальнейшей цитаты из труда, приписываемого выдающемуся римскому легисту рубежа II–III вв. Юлию Павлу: *quia secundum legem, «si manente coniugio vir uxori vel uxor marito aliquid donaverit, si is cui donatum est prior mortuus fuerit, apud donatorem ea quae donate fuerant remanebunt»* (так как, согласно закону, «если, находясь в браке, муж жене или жена мужу что-либо подарит, если тот, кому сделано дарение, первым умрет, вещи, которые были дарованы, останутся у дарителя»)²¹.

Примененное в формуле выражение *scripturarum titulis alligari* можно с некоторыми оговорками поставить в параллель с выражением *gestis*

²⁰ *Formulae Merovingici et Karolini aevi* / ed. K. Zeumer // *Monumenta Germaniae Historica*. Hannoverae, 1886. P. 79.

²¹ *Ibid.* P. 144; cf.: *Lex Romana Visigothorum*. P. 370: Paul. II, 24, 5.

alligari. В римском праве термины *tituli* и *gesta* могли обозначать совершенно различные понятия. Примером может служить эдикт императоров Гонория и Феодосия II от 26 апреля 409 г. относительно сбора денег для закупки зерновых запасов, дальнейшая продажа которых снизила бы цену на зерно в обстановке угрозы голода (С. Th. 14. 16.1). Словом *titulus* здесь назван письменный документ, в котором должны были быть зафиксированы все сделанные закупки. Этот документ (*titulus emptionis*) надлежало обнародовать в судебных присутствиях, находившихся в ведении константинопольского претора, и внести в регистры: *quidquid super frumentaria comparatione titulus emptionis invenerit, in tribunalibus praefecturae urbanae sub gestorum testificatione pandatur*.

Не лишено значения то обстоятельство, что и в приведенных выше определениях из раннесредневековых формуляриев, и в названном императорском эдикте один и тот же глагол *convellere* применен для обозначения того возможного нарушения устанавливаемого порядка, предотвращения которого должно было служить в первом случае письменно удостоверенное публичное заявление частного лица, а во втором — оглашение произведенных доверенными лицами закупок и внесение соответствующей записи в регистры. Устанавливая обязательность письменного удостоверения дарения между супругами, ссылаясь на выраженную в «Сентенциях» Павла норму в отношении таких дарений, раннесредневековый правовед, очевидно, припомнил и некоторые, как ему казалось, подходящие выражения из Кодекса Феодосия²².

Несомненно, он думал о публичном заявлении дарителя и о таком письменном удостоверении воли дарителя, которое должно было послужить средством возможной защиты в суде вновь установленного права владения вещью. Но, по всей вероятности, он намеренно избегнул прямого указания на внесение соответствующей записи в муниципальные регистры и лишь указал на публичное удостоверение воли дарителя с помощью тем или иным образом оформленных письменных документов. Неопределенность его слов можно объяснить как исчезновением самой традиции внесения записей о частноправовых актах в муниципальные регистры, так и тем хорошо известным обстоятельством, что императорское законодательство не приветствовало дары между супругами, поскольку не исключало возможности принуждения.

Примеры смелого творческого применения образцов, содержащихся в формуляриях, мы находим в грамотах IX–X вв. из Пуату. Норма, выраженная в формуляриях в отношении дара между супругами, в документах перенесена на имущественные права, которые устанавливали между собой монастыри. Документ, составленный в 827 г., который засвидетельствовал соглашение между капитулом церкви Св. Илария в Пуатье

²² Ср. еще два примера: С. Th. 11.30.11pr. ; 8.12.8.1.

и находившемся ранее в зависимости от него монастырем Св. Юниана в Нуайе относительно прав последнего, начинается словами:

Quicquid inter servorum Dei concorditer de rebus ecclesiae sibi creditis, manente varietate, pro dilectionis amore invicem consentire placuerit, **scripturarum necesse est titulis alligari**, ne in posterum a senioribus vel a quocumque possit convelli.

К какому бы взаимному согласию в отношении доверенных им имуществ Церкви ни было угодно прийти в полном единодушии между божьими слугами по любви друг к другу, если остается возможность изменений, необходимо, чтобы это было публично удостоверено имеющими правовую силу документами, с тем чтобы в последующем это не могло быть порушено начальниками или кем-либо другим²³.

В грамоте 991 г. от имени герцога Аквитанского Гильема IV, составленной в пользу монастыря Св. Юниана и вновь регулирующей его имущественные отношения с капитулом церкви Св. Илария, применена та же формула, но с некоторыми характерными изменениями:

Quicquid enim inter servorum Dei concorditer de rebus ecclesiae (sic!) sibi creditis, manente **largitate**, pro amore dilectionis invicem consentire placuerit, scripturarum necesse est titulis **conligari**, ne in posterum a senioribus vel a **potestate seculari** possit coinquinari²⁴.

Выражение *manente varietate*, которым указывалось на допустимость изменений, сменяется здесь выражением *manente largitate*, которым указывается на возможность новых проявлений щедрости. В конце формулы наряду с церковным начальством прямо указано на светскую власть, как того, чьим вмешательством может быть осквернено достигнутое согласие. Но наиболее интересное для нас изменение заключается в замене глагола *alligari* глаголом *conligari*, заставляющей думать, что составитель документа был уже совершенно далек от мысли о каком-либо заявлении перед представителями власти, которое некогда выражалось глаголом *allegare*, но мог представить себе лишь механическое «присоединение» нового документа к связке старых грамот, хранившихся в монастыре.

3. *Series scripturarum (chartarum)* как обозначение документов о передаче имущества свободными людьми

Термины *series scripturarum* и *series cartarum* применяются в утверждениях о необходимости удостоверения передачи имущества путем

²³ Chartes de l'abbaye de Nouaillé. P. 19, no 11.

²⁴ Ibid. P. 126, no 75.

составления документа в надлежащем порядке. На деле речь идет о самых разных видах правовых актов: о даре жениха по случаю бракосочетания (*donatio propter nuptias*)²⁵, об отдаче земли в держание для устройства там солеварни²⁶ или для других целей²⁷, о продаже участка монастырю для устройства на нем мельницы²⁸, о благочестивых дарениях монастырю²⁹. Неизменным в соответствующих формулах остается ссылка на авторитет законодателей (*legali sancitur auctoritate, latores legum sanxerunt*) либо на решение высшего совещательного органа (*consultum est*), но ссылка эта во всех случаях остается слишком общей, и напрасно здесь искать определенный источник среди памятников римского права.

Есть тем не менее причины думать, что исходной сферой применения формул рассматриваемого типа были благочестивые дарения монастырям, в правовом отношении близкие позднеантичному завещанию. Со временем в монастырях составители документов стали использовать привычную для них формулу и к другим формам передачи имущества. Понятие *series* нередко применяется в законоположениях, собранных в Кодексе Феодосия. В эдикте императоров Аркадия и Гонория им обозначено непосредственно письменное завещание, которое следовало прочесть свидетелям перед тем, как они подпишут его (С. Th. 4.4.3.1). Этот эдикт был воспроизведен и в Бревиарии Алариха (р. 104: 4.4.3.1). Каково бы ни было конкретное значение понятия *series* в применении к завещанию, оно подходило ему уже потому, что имущественные распоряжения в пользу наследника дополнялись поручениями наследнику относительно наделения других лиц имуществом, оставляемым завещателем.

Бревиарий Алариха сохранил особое толкование к эдикту императоров Грациана, Валентиниана III и Феодосия I об условиях вступления вдовы в права наследия по завещанию мужа (LRV. 3.8.2. Interpr.). Там мы встречаем то самое выражение *conferre voluerit*, которые мы неоднократно встречаем в формулах рассматриваемого типа. Там же для обозначения имущественных прав применено характерное выражение *propterea facultates*, которое мы обнаруживаем и в самой ранней из рассматриваемых формул, содержащейся в Буржском формулярии (*Formulae Bituricenses*). В примере под номером 15 представлены извлечения из составленного в области Буржа документа о даре (весьма щедром!) супруга супруге, причем супруг выступает в статусе отпущенника, характерном для галло-римского магната во Франкской Галлии.

²⁵ *Formulae Merovingici et Karolini aevi*. P. 174–175.

²⁶ *Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Saint-Maixent* / éd. par A. Richard // *Archives historiques du Poitou*. Poitiers, 1886. T. 16 (далее — *Chartes et documents de Saint-Maixent*). P. 26, no 14.

²⁷ *Chartes de l'abbaye de Nouaillé*. P. 148, no 87.

²⁸ *Ibid.* P. 138, no 82.

²⁹ *Ibid.* P. 157, no 93 ; P. 220, no 139.

Hoc consultum est, ut, quicumque liberta persona de rebus propriis facultatis suae aliquid **conferre voluerit**, hoc per seriem scripturarum laudabiliter debeat esse **adlegatum** adque subter firmatum, qui hac conditione et iurae (sic!) postulat praetorium et **gestis** requirit **municipalibus**.

<Властью Сената> установлено, что, кто бы в статусе отпущенника ни пожелал передать (кому-либо) что-либо из собственного имущества, находящегося в его распоряжении, эта передача имущества должна быть публично объявлена путем оформления документов в принятом порядке и эти документы должны быть скреплены подписью. При соблюдении этого условия такой человек по праву обращается в суд претора и заявляет требование, опираясь на муниципальные акты³⁰.

К значительно более позднему времени, но вместе с тем к области с более стойкими культурными традициями относится документ, составленный от имени графа Пуатье Гилье́ма III в 929 г. и оказавшийся затем в архиве монастыря Св. Максенция (примерно в 55 км к юго-западу от Пуатье), так что можно предположить как заинтересованность монастыря в составлении этого документа, так и прямое участие ученых монахов этой обители в его оформлении. Речь идет об отдаче в держание участка земли для устройства солеварни. Здесь уже нет указания на необходимость внесения записи в муниципальные акты, но есть указание на тот самый статус свободного гражданина, подлежащего вместе со своим имуществом общей переписи (census), который, заметим, выдвинут в качестве необходимого условия для внесения акта передачи имущества (traditio) в муниципальные регистры в известном эдикте императоров Гонория и Феодосия II от 15 марта 415 г. (C. Th. 8.12.8.1):

Legali sancitur auctoritate inlustrumque virorum roboratur confirmatione ut quæ quid legitime potestates vel persone **sub censu legitimo** voluerint adipisci, scripturarum seriæ **alligetur**, ut quod rationabiliter factum fuerit, nullatenus in relicum (sic!) possit divelli.

Властью законодателей установлено и подтверждено собранием сенаторов, чтобы всякий законный представитель власти или лицо, включенное в ценз, кто пожелает что-либо приобрести, подлежал процедуре публичного удостоверения (своего приобретения) путем оформления надлежащих

³⁰ Formulae Merovingici et Karolini aevi. P. 174–175.

документов, с тем чтобы то, что будет сделано в установленном порядке, в будущем никоим образом не могло быть разрушено³¹.

В четырех несколько более поздних документах (992–1091) из монастыря Св. Юниана в Нуайе, располагавшегося вблизи Пуатье, повторяется одна и та же формула, где вновь всплывает понятие *gesta*. Здесь мы встречаем опять выражение *conferre voluerit*, восходящее еще к статье Бrevиария Алариха об условиях вступления вдовы в права наследия по завещанию мужа. Характерно и определение *progrium* к понятию *ius* — это определение имеется и в названной статье. Более строгое понятие *scriptura*, обозначавшее письменное удостоверение правового акта, здесь, однако, сменяется понятием *charta*, которым в памятниках римского права обычно означали письменные прошения и всякого рода списки. Выражение *per seriem cartarum* сливается в единое целое с выражением *gestis alligetur*. Вот пример из грамоты, датированной издателем 994 г.:

Latores legum sancxerunt ut qui de iure proprio aliquid alicui conferre voluerit, hoc sub presentia virorum nobilium per seriem cartarum gestis alligetur, quatinus hoc quod pie factum est diuturnis temporibus maneat inconvulsum...

Законодатели положили непреложным, чтобы, кто бы ни пожелал кому-либо передать что-либо из имущества, в отношении которого пользуется полнотой прав, эта передача имущества была объявлена в присутствии знатных мужей и включена в муниципальные акты путем совершения надлежащих записей, благодаря чему то, что сделано по благочестию, на долгие времена да останется нерушимым³².

Любопытно, что в более ранних, относящихся еще к IX в., но выполненных в германских землях списках так называемых «Салических формулах Линденбруха» (*Formulae Salicae Lindenbrogianae* — по имени первого издателя, носившего имя Friedrich Lindenbruch, 1573–1648)³³ та же формула подвергнута характерному изменению, свидетельствующему о том, что авторам дошедших до нас списков этого памятника уже был непонятен смысл глагола *allegare* (*alligari*), как и смысл понятия *gesta*. Первый здесь заменен глаголом *obligari*, обозначавшим принятие обязательств всякого рода, а понятие *gesta* вообще упразднено. Однако же вместо слова *carta* здесь вновь употреблено слово *scriptura*. Не исключено,

³¹ Chartes et documents de Saint-Maixent. P. 26, no 14.

³² Chartes de l'abbaye de Nouaillé. P. 148, no 87. См. другие примеры: Ibid. P. 138, no 82 ; P. 157, no 93 ; P. 220, no 139.

³³ Cf.: *Formulae Merovingici et Karolini aevi*. P. 266.

что и в прототипе формулы документов из Нуайе содержалось именно это слово, но кто-то сознательно заменил его на слово *carta*.

*Latores legum sanxerunt, ut, qui de iure proprio alicui aliquid tradere voluerit, hoc coram plures testibus per scripturarum seriem firmiter faciat obligari, ut in evum inconvulsum valeat permanere*³⁴.

Эта формула дословно повторена в грамоте 875 г. из северофранцузского города Камбрэ³⁵.

4. Эдикт Феодосия I о публичном удостоверении уступки имущества в раннесредневековой традиции

Заслуживает нашего внимания и часто встречающаяся в раннесредневековых документах формула, определяющая порядок уступки имущества в вынужденных обстоятельствах (*cessio*). Формула восходит к позднеантичному источнику, и различные ее версии позволяют судить как о древнейших способах письменного удостоверения такого рода актов, так и о собственных представлениях составителей средневековых документов о роли письменного документа. В документах Пуату, Оверни, Прованса и того региона, который ныне известен как Юг-Пиренеи, мы встречаем более двух десятков примеров этой формулы. Древнейший пример (781 г.) содержится в картулярии марсельского монастыря Сен-Виктор. К сожалению, латинский текст документа с его нагромождением синонимических понятий сверх всякой меры и смысловыми повторами плохо поддается буквальному переводу:

*Licet in universis strumentis solempnes munitiones antiquitus veneranda constituunt, ut undecumque contractus instituta firmitate muniatur; in cessionibus vero, seu et **professionibus**, **sola voluntate** iusserunt principes manere auctoritate.*

Хотя публичные меры защиты, которые следует соблюдать для подтверждения любых правовых актов, требуют, чтобы договор подтверждался во всех отношениях установленным

³⁴ *Formulae Merovingici et Karolini aevi*. P. 148, no 87.

³⁵ *Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France / Cédric Giraud, Jean-Baptiste Renault et Benoît-Michel Tock, éd. Nancy : Centre de Médiévisique Jean Schneider ; éd. électronique : Orléans : Institut de Recherche et d'Histoire des Textes, 2010. No 352. URL: <http://www.cn-telma.fr/originaux/charte352/>: «[Latores] legum sanxerunt ut qui de jure proprio alicui aliquid tradere voluerit se coram plures testibus per scripturarum seriem firmiter faciat obligare ut in evum inconvulsum valeat permanere».*

способом, в случаях уступки имущества, однако, или, иначе говоря, «публичного объявления», государи повелели, чтобы они держались одной волей (заявленной уступающим имущество лицом).

Составитель документа продолжает:

...ut quicumque aliquid alteri cesserit, profiteatur, sed tamen rem cessisset, id est aut scripturis, aut gestis, aut testibus, et sola voluntas professio pro omni firmitate illius sufficiat in augmentum.

...так чтобы всякий, кто уступит другому (имущество), объявил о том — но только <если> он уже уступил имущество, — а само по себе объявление воли (т. е. посредством записи частного характера, или путем включения в муниципальные акты, или с помощью собрания свидетелей) да будет предостаточно для крепости (совершенного)³⁶.

Эта формула восходит к двум постановлениям Кодекса Феодосия (опубликован в 438 г.), которые касались *cessio bonorum* — уступки имущества несостоятельным должником своему кредитору. Согласно приписываемому Юлию Цезарю закону (*Lex Julia de cessione bonorum*), при уступке должник должен был произнести вполне определенные слова. Но эдиктами Феодосия I (римский император с 379 по 395 г.) должник освобождался от этого формализма, и ему достаточно было просто выразить свою волю. Так, в консульство Гонория и Эводия (387 г.) Феодосий постановил: «In omni cessione professio sola quaerenda est; in omni cessione sufficit voluntatis sola professio» («При любой уступке имущества следует требовать лишь публичного объявления о ней; при любой уступке имущества достаточно одного публичного объявления воли») (C. Th. 4.20.3)³⁷.

По свидетельству, содержащемуся в известном своде римских правовых норм, составленном в королевстве Бургундов в начале VI в., *Lex Romana Burgundionum*, в том же 20-м титуле Кодекса Феодосия, где представлены эти законоположения, было приведено и суждение одного из римских правоведов на тот же предмет (C. Th. 4.20.4). В бургундском своде оно несет следы позднейшей его переработки.

Cessionis ita firmitatem subsistere, si cuius rei per evidentem professionem voluntaria et evidens cessio teneatur, hoc est, ut cessionis nomine scriptura cuiuslibet rei cedentis voluntaria professione et subscriptione firmetur.

³⁶ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor. P. 111.

³⁷ LRV. 4.18.2 (Lex Romana Visigothorum. P. 126).

Так сохраняется крепость уступки имущества, если уступка какой-либо вещи будет сочтена добровольной и очевидной в силу добровольного и открытого объявления, т. е. такого, чтобы запись об уступке какой-либо вещи была скреплена добровольным заявлением уступающего имущество и подписью³⁸.

В списках А3 и А4 названного раннесредневекового свода римского права весь его текст по ошибке приписан Папиниану, прославленному римскому правоведу (казнен императором Каракаллой в 212 г.), хотя нельзя исключать наличие в этом правовом своде и некоторых извлечений из Папиниана³⁹. Первый титул в списке А3 начинается цитированием принадлежащего, возможно, именно Папиниану суждения о том, что полюбовные соглашения заключаются не только посредством определенных слов, но выражением настоящей воли сторон: *Pacta non solum verbis, sed ex voluntate contrahentium constituuntur*. Оценивая приведенные здесь положения из Кодекса Феодосия, следует лишний раз принять во внимание, что римские правоведы противопоставляли понятие «воля» скорее точному воспроизведению традиционных словесных формул, нежели непосредственно письменной ее фиксации.

Составители Бревиария Алариха (506) привели упомянутый нами выше эдикт Феодосия I без того дополнения, которое отмечено в бургундском своде римского права. Вместе с тем положения эдикта (*in omni cessione professio sola quaerenda est; in omni cessione sufficit voluntatis sola professio*) снабжены здесь следующим толкованием (*interpretatio*):

Quaecumque aliquis alteri cesserit, profiteatur se tantum rem cecisisse vel causam, hoc est aut gestis aut scriptura aut testibus, et sola voluntatis illius professio pro omni firmitate sufficiat.

Какие только вещи кто-либо другому лицу ни уступит, пусть только объявит публично, что он уступил имущество или бывшие предметом спора права — т. е. либо включением специальной записи в муниципальные акты, либо записью,

³⁸ Cf.: *Lex Romana sive forma et expositio legum Romanarum // Monumenta Germaniae historica, Legum nationum Germanicarum. T. II, pars I : Leges Burgundionum*, edidit Ludovicus Rudolfus de Salis. Hannoverae : Impensis Bibliopolii Hahniani, 1892. P. 158: «Cessionis ita firmitatem subsistere, si cuius rei per evidentem professionem voluntaria et evidens cessio teneatur, hoc est : ut cessionis nomine scriptura cuiuslibet rei cedentis voluntaria professione et subscriptione firmetur. Quod si de vi et metu is qui cessit queri voluerit, intra annum similiter institutam peragat actionem. Secundum Theodosiani leges libro IV, sub titulo: Qui lege Iulia bonis cedere possunt».

³⁹ *Lex Romana Visigothorum*. P. 124.

оформленной в частном порядке, либо путем призвания свидетелей (в принятом порядке), — и само объявление его воли да будет достаточно для полной крепости совершенного⁴⁰.

Нет сомнений в том, что для галло-римского населения германских королевств в начале VI в. было в обычае составлять письменный документ того или иного рода в удостоверение акта передачи имущества путем его добровольной уступки. Но Бревиарий Алариха не исключал удостоверение такого акта и путем лишь призвания свидетелей, хотя, разумеется, и в особом порядке. Кроме того, там было проведено различие между письменным документом, оформленным в частном порядке, и документом, включенным в публичные акты муниципия. Как бы то ни было, предметом заботы законодателей была прежде всего добровольность уступки и возможность установления настоящей воли лица, уступившего свое имущество.

Любопытно, что в сокращенном изложении статей Бревиария, известном как Эпитома Эгидия, указание на документ, составленный в частном порядке, опущено:

*In omni cessione professio sola quaerenda est, hoc est aut gestis aut testibus, et tunc sola voluntas pro omni firmitate sufficiat*⁴¹.

Документ 781 г. из марсельского монастыря Сен-Виктор, выдержки из которого мы привели в начале параграфа, представляет собой самый ранний из известных нам примеров применения формулы из толкования к названному императорскому эдикту в Бревиарии Алариха. Но еще ранее, не позднее середины VIII в., часть той же формулы была использована в так называемом Турском формулярии, служившем пособием для составителей документов:

Latores legum sanxerunt, ut, quicquid unusquis alteri cesserit, profiteatur se tantum rem cessisse vel concedi, et sola voluntas illius aut scriptura aut testibus conprobata pro omni firmitate sufficiat.

Законодатели положили непременно, чтобы всякий, кто уступит что-либо другому, лишь объявлял, что он имущество уступил или что оно уступается, и для полной крепости совершенного будет достаточно одной его воли, подтвержденной документальной записью или свидетелями⁴².

На этот раз, как мы видим, было удалено указание на традицию включения документальной записи в особые акты муниципия. Однако

⁴⁰ LRV. 4.18.2. Interpr. (Lex Romana Visigothorum. P. 126).

⁴¹ Ibid.

⁴² Formulae Merovingici et Karolini aevi. P. 137.

представляется очевидным, что в первоначальном варианте этого формуляра содержалось и указание на эту традицию. Даже в более поздних (936 г., 1140–1178 гг.) документах монастыря Св. Юниана в Нуайе (как было отмечено выше, он располагался примерно в 10 км к северо-западу от Пуатье), одного из культурных центров Аквитании, хранивших память о древнейших правовых традициях, сходная формула снабжена и указанием на акты муниципия:

Latores legum sanxerunt ut quicumque aliquis alteri cesserit, profiteatur se tantum rem cessisse, id est testis aut gestis aut scriptura, et sola illius voluntate pro omni firmitate perficiat.

Законодатели положили неременным, чтобы всякий, кто уступит что-либо другому, лишь объявлял, то ли с призванием свидетелей, то ли путем включения в муниципальные акты, то ли путем документальной записи частного характера, что он уступил имущество, и одной своей волей (заявленной таким образом) наделял этот акт полной силой⁴³.

Многочисленные примеры последующей переработки основного положения об удостоверении уступки имущества показывают в основном достаточно осознанный подход к делу у составителей документов, их стремление привести начальное законоположение в соответствие с новыми условиями общественной жизни. Так, в грамоте 925 г. из аббатства Св. Максенция мы читаем:

Antiqua legum sanxit auctoritas, et ratio juris exposcit, ut <si> inter qua<e>cumque strumenda cartarum concessio invenitur, [solum] tantum (*scriptor correxit dictione prima non deleta*) professio (*in ms. processio*) voluntatis agnoscatur.

Древняя сила законов сделала непреложным — и того требует само начало права, — чтобы в случае, если среди каких-либо письменных свидетельств, имеющих силу в суде, оказывается «уступка», признавалось бы лишь публичное объявление⁴⁴.

Мы видим, что здесь исключительное значение придано письменному документу как важнейшему свидетельству о правовом акте, но внимание составителя документа смещается с момента публичного удостоверения правового акта к возможному его рассмотрению в суде, на случай благополучного исхода которого собственно и составлялся любой документ.

⁴³ Chartes de l'abbaye de Nouaillé. P. 84, no 48 ; P. 191, no 117.

⁴⁴ Chartes et documents de Saint-Maixent. P. 24–25, no 12.

Богатый монастырь Св. Максенция, располагавшийся, как было отмечено, примерно в 55 км к юго-западу от Пуатье, славился своими культурными традициями. Неслучайным было оригинальное переосмысление традиционной формулы в одном из его документов, хотя нет сомнений, что тема разбора материала письменных свидетельств в процессе имущественных споров была подсказана более ранними документами того же монастыря или тех церковных и культурных центров, с которыми он был связан.

Сходную формулу мы находим в несколько более раннем документе (899 или 901 г.) упомянутого уже монастыря Св. Юниана в Нуайе. Понятно, что братия этого монастыря через посредство своей материнской обители, капитула церкви Св. Илария, испытала сильнейшее воздействие традиций главного культурного центра той области — Пуатье. Но, очевидно, сами монахи монастыря Св. Юниана не отличались образованностью. Как и в упомянутом документе 936 г. того же монастыря, составитель этого более раннего документа следовал в основном букве отраженного в Бревиарии Алариха и в Турском формулярии положения о том, что в случае уступки имущества достаточно выражения воли в свободной форме. В рассматриваемом документе отражено вместе с тем и содержавшееся в более древнем образце представление о коренном значении письменного удостоверения этой воли для доказательства вновь установленных имущественных отношений в суде. Вместе с тем, несомненно, уже в образце объявлялось излишним включать такое письменное удостоверение в муниципальные акты, поскольку эта норма создавалась уже как не отвечающая новому укладу жизни.

К сожалению, составитель документа не сумел передать строгую мысль предшественника, сбился при написании документа и не стал исправлять свою ошибку, как это мы часто наблюдаем в средневековых документах не только раннего Средневековья, но и более позднего времени. Похоже, что составитель документа когда-то запомнил формулу на слух.

Sanxhit octoritas ut cessio inter quas cum quod (=quascumque <personas, si>) estrumenta kartarum inventa fuerint<,> sine gestorum ablegacionem (sic!) plenissimam obtinea[n]t firmitatem.

Авторитет [законов] сделал непреложным, чтобы акт уступки имущества получал полнейшую силу без включения в муниципальные акты, если окажутся письменные свидетельства о нем, которые признает суд⁴⁵.

По-видимому, идеи такого рода побудили автора Турского формулярия удалить из формулы всякое упоминание о включении письменного удостоверения уступки имущества в муниципальные акты. Прототип документа из Нуайе следует датировать временем ранее середины VIII в.,

⁴⁵ Chartes de l'abbaye de Nouaillé. P. 45–46, no 25.

к которому принято относить создание названного формулярия. Сходные мысли с теми же выражениями и с явной привязкой к содержащейся в Бревиарии Алариха норме, но уже без прямого указания на письменный документ содержится в документе 924 г. из аббатства Св. Фидес (Sainte-Foy) в Конке. Расположенное примерно в 86 км к северо-западу от Тулузы в области Лангедок-Руссильон, оно тяготело уже к Средиземноморью и Пиренеям. Следует отметить более свободную и вместе с тем грамматически не столь корявую форму документа из Конка:

Antiqua ratio deposcit et lex (=legis) auctoritas declarat ut qualis cunque homo res suas in alteriis (sic!) personas transferre voluerit profiteatur rem tantum cessisse, quare cessio sola sufficit sine gestorum allegatione in omnibus obtineat firmitatem.

Древние доводы разума требуют, и авторитет *закона* провозглашает, чтобы каждый человек, кто пожелает передать свое имущество другим лицам, лишь *публично* объявил, что он уступил имущество, благодаря чему достаточно будет самой уступки без *включения в муниципальные акты* и она получит силу во всех отношениях⁴⁶.

Мы наблюдаем, таким образом, как творчески перерабатывалась в самых разных местах правовая норма, некогда включенная в Бревиарий Алариха. Будет нелишним отметить, что рассматриваемые формулы применялись и в живой речи, следы которой они несут и на письме. Так, в документе 945 г. из того же монастыря Св. Фидес приведенная формула предстает в предельно усеченном виде, так что даже предлог *sine* одиноко повис без существительного *allegatione*, которое он вводил, причем написание слова *gestorum* отразило реальное его произношение, где латинский согласный [g] перед мягкой гласной превращался в [j]: «Cessio sola sufficit sine <...> jestorum, tamen in omnibus plenissima obtineat firmitatem» («Сама уступка достаточна без *муниципальных актов*, но пусть имеет полнейшую силу во всем»)⁴⁷.

Новая интерпретация позднеантичного законоположения относительно уступки имущества, которую якобы было излишне удостоверить в форме муниципальных актов, породила в умах составителей документов бывшего аббатства Св. Юлиана в Бриуде (ныне капитул) совершенно неожиданные представления об исключительном месте «уступки» в сфере

⁴⁶ Cartulaire de l'abbaye de Conques en Rouergue / éd. par G. Desjardins. Paris, 1879. P. 6, no 5.

⁴⁷ Ibid. P. 105, no 114. Ту же усеченную формулу мы встречаем и в документе 990 г. из названного монастыря: «Cessio sola sufficit sine gestorum, sed in omnibus habeat plenissimam» (P. 164, no 192).

письменного оформления правовых актов. Составители все новых документов этого аббатства, располагавшегося в центре Южной Франции, примерно в 70 км на юго-восток от Клермона, не переставали повторять с небольшими вариациями две близкие по смыслу формулы:

Legum decrevit autoritas et ratio jure exposcit ut inter reliquas scripturas sola obtineat tantummodo cessio gestarum firmitatem.

Власть законов установила — и <того> разум в соответствии с правом требует, — чтобы среди прочих записей правовых актов лишь «уступка» получала крепость публично удостоверенных актов⁴⁸.

По сути дела та же мысль выражена и в положении, где утверждается, что и без включения в муниципальные акты «уступка» получала полную силу. Стоит, однако, отметить, что автор новой формулы уже не понимал настоящего значения слова *alligatio* и заменил его на более привычное *obligatio*:

Legum decrevit autoritas et ratio jure exposcit ut inter reliquas scripturas sola tantummodo cessio sine gestarum obligatione in perpetuum plenissimam obtineat firmitatem.

Власть законов установила — и <того> разум в соответствии с правом требует, — чтобы среди прочих записей правовых актов лишь «уступка», минуя требования включения в *gesta*, навечно получала полную силу⁴⁹.

В обеих формулах специальный юридический термин *gestum* заменен на форму, которая подразумевает просто запись о памятных делах: *gesta* (ср.: *res gestae*). Любопытно, что обе формулы содержатся и в копии картулярия монастыря Св. Петра (*Sanctus Petrus Celsiniensis*) в Соянже (*Sauxillanges*), располагавшегося на полпути от Бриуда к Клермону⁵⁰.

⁴⁸ Cartulaire de Brioude / éd. par H. Doniol. Clermont-Ferrand ; Paris, 1863. P. 63, no 40; cf.: P. 105, no 86 (здесь *cessione* вместо *cessio*) ; P. 228, no 218 ; P. 237, no 226.

⁴⁹ Ibid. P. 128, no 111 ; P. 186, no 174 ; P. 210, no 199 ; P. 292, no 285; в следующем примере, очевидно, пропущен предлог: «*Legum decrevit autoritas et ratio jure exposcit ut inter reliquas scripturas solæ tantummodo cessiones <sine> gestarum obligatione plenissimam in perpetuum obtineat firmitatem*» (P. 132, no 115).

⁵⁰ См.: Cartulaire de Sauxillanges / éd. par H. Doniol. Clermont-Ferrand ; Paris, 1864. P. 319, no 413: «*Legum decrevit auctoritas et ratio jure exposcit inter reliquas scripturas sola tantummodo cessione (sic!) gestarum obtineat firmitatem*»; P. 140, no 152: «*Legum decrevit auctoritas et ratio [...?] inter reliquas scripturas sola tantummodo cessio sine gestorum obligationem (sic!) obtineat firmitatem*».

К сожалению, названные документы из Оверни плохо поддаются датировке. Как бы то ни было, можно предполагать, что содержащиеся в них формулы, которые мы здесь привели, восходят ко времени не позднее IX в. До некоторой степени об этом позволяют судить точно датированные и сохранившиеся в подлинниках документы из кафедрального собора города Родез, который относится примерно к тому же географическому и культурному региону, что и упомянутое выше аббатство Св. Фидес в Конке (последнее располагалось примерно в 30 км севернее Родеза). Документы соборной церкви города, близкого к культурным центрам Средиземноморской Франции, демонстрируют уже в первой половине X в. следующий шаг в деградации юридического содержания рассмотренных нами формул. В документе 936 г. от имени епископа Деуследита и в документе 943 г. от имени супругов Евы и Аббона содержится первая из наших овернских формул. Однако обычай запоминать формулы на слух привел составителей документов уже к полному искажению коренного смысла исходной нормы, так что слово *gestorum* (т. е. *актов того, что было совершено*) в них заменено уже на слово *justorum* (т. е. *справедливых людей*):

Legum decrevit auctoritas et ratio jure exposcit ut inter reliquas scripturas sola tantummodo cessione (sic!) justorum (sic!) in perpetuum plenissime obteneat firmitatem⁵¹.

Legum decrevit auctoritas (sic!) et ratio jure exposcit ut inter reliquas scripturas sola tantummodo cessio justorum (sic!) in perpetuum plenissime obteneat firmitatem⁵².

При виде таких искажений исходной формулы нетрудно объяснить, как в ряде документов на месте требуемого латинского номинатива *cessio* оказался мнимый латинский аблатив *cessione*, ведь, как известно, система падежей в живой речи к тому времени была утрачена и всеобщее применение получили формы слов, произведенные от латинского аккузатива или аблатива в зависимости от региона. Относительно двух последних примеров, однако, можно уже утверждать, что в них бесполезно искать проявление осознанного отношения к формулам, унаследованным от прошлого. Здесь мы имеем перед собой пример господства канцелярской рутины.

В заключение еще раз отметим, что примеры деградации формул, основанных на нормах римского права, не отменяют того факта, что примерно до середины VIII в. составители документов обладали не только

⁵¹ Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France. No 3954. URL: <http://www.cn-telma.fr/originaux/charte3954/>.

⁵² Ibid. No 3956. URL: <http://www.cn-telma.fr/originaux/charte3956>.

определенным знанием норм римского права, но и имели представление о самих правовых институтах поздней Античности. И в то время, и в дальнейшем использование, пусть часто и в превратном виде, норм римского права служило делу насаждения культуры письменного документа.

SUMMARY

The present article deals with the classic opinions about necessity of written fixation in early medieval instruments of the Southern France. The main emphasis is on juridical introductory clauses that were often disregarded by the previous scholars. As we shall see throughout this article, medieval authors of the instruments did not merely know the legal standards of the Late Antiquity, but were also capable of employing creative approach to those standards.

The explanation of the necessity of the written fixation is based on the example of four formulae. These are: the edict of Constantine the Great justifying the necessity of written certification of donations; the formula ascending to the Roman donation between spouses; *series scripturarum* as a designation of instruments about property disposal by the independent people and finally the edict of Theodosius I concerning public certification of property transfer.

We may argue that clergymen of the medieval Southern France, inasmuch as they were familiar with the Breviary of Alaric and several books of formulae, not only knew norms of Roman Law, but also had an idea about legal institutions of the Late Antiquity. Despite that these formulae underwent degradation we not only discover references to them in sources but also see a creative approach of clergymen as they were enhancing the position of written instrument.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Письменный документ, грамота, преамбула, поздняя Античность, римское право, Бrevиарий Алариха, эдикт, муниципальные регистры, формулы, дарение, уступка имущества.

KEY WORDS

Written document, charter, preamble, Late Antiquity, Roman Law, Breviary of Alaric, edict, municipal registries, formulae, donation, concession of property.